

1968 год. “ПРАЖСКАЯ ВЕСНА” (историческая ретроспектива). М.: РОССПЭН, 2010, 808 с.

Прошедшая 23–24 октября 2008 г. в Институте славяноведения РАН на базе Научного центра истории сталинизма в Восточной Европе международная конференция «“Пражская весна” 1968 года и эволюция общественных настроений в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы», в которой приняли участие российские, чешские, венгерские и сербские ученые, стала важной частью общеприимного исследовательского процесса.

Открывая конференцию, директор Института славяноведения РАН К.В. Никифоров сформулировал принципиально важный вопрос: в чем значение изучения феномена “Пражской весны”? «Возможно, главное значение “Пражской весны”, — отметил Никифоров, — как раз и состоит в тех кардинальных изменениях, которые произошли в головах миллионов и миллионов граждан Восточной Европы». Это касается и российской общественности.

Именно поэтому участники конференции высказались за то, чтобы познакомить с ее материалами и выводами общественность. Так возник сборник статей “1968 год. “Пражская весна” (историческая ретроспектива)”¹, объединивший усилия 40 авторов, большинство из которых профессионально занимаются изучением истории новейшего времени.

В результате мы имеем перед собой уникальную по широте охвата тем и фундаментальности работу, в которой впервые на русском языке рассмотрен весь спектр вопросов, выдвинутых чехословацкими событиями 1968 г.: от внутриполитических коллизий в

ЧССР до межпартийных отношений КПЧ и КПСС, от международных откликов на “Пражскую весну” до восприятия ее идей в теоретических построениях мыслителей и реальной политической практике, от анализа факторов, побудивших советское руководство принять решение о вводе войск в Прагу, до осмысления влияния этого события на советское общество и Восточную Европу в целом.

В рамках журнальной рецензии невозможно проанализировать все статьи, вошедшие в сборник. Поэтому мы остановимся лишь на центральном, по нашему мнению, блоке работ, посвященных характеристике событий в ЧССР 1968 г., воздействию на эти события советского фактора и влиянию “военной акции” на Советский Союз.

Чешский историк И. Вондрова в статье «“Пражская весна” 1968 года и гражданское общество» рассматривает чехословацкие события в качестве переходной стадии от “сталинской модели социализма” к “демократическому обществу”. Август 68-го, пишет Вондрова, положил предел иллюзиям о возможности реформирования социализма, показал “несовместимость каких-либо реформ, если они не являются косметическим подкрашиванием режима, с коммунистической системой”. Как далеко было готово руководство КПЧ и в первую очередь А. Дубчек продвинуться по пути трансформации существовавшей системы? Основываясь, в первую очередь, на анализе “Программы действий”, чешский специалист приходит к выводу — “реформаторский потенциал” А. Дубчека был весьма ограничен: “хотя в исторической литературе нередко утверждается, что реформаторы далеко отошли от принципов советского режима... в документах мы не находим никаких оснований для подобной констатации”. В то же время историк отмечает: “главным действующим лицом на общественно-политической сцене уже не были ведущие коммунистические деятели... процесс вышел из-под их контроля”. Чешская общественность пошла по пути реформ гораздо дальше, нежели это изначально предполагалось партийным руководством, в этой ситуации Дубчек оказался перед дилеммой: либо затормозить движение в обществе и уменьшить процесс либерализации

¹ Редколлегия: д.и.н. Г.П. Мурашко (отв. редактор), д.и.н. Т.В. Волокитина, к.и.н. А.С. Стыкалин. Авторский коллектив: К.В. Никифоров, Ч. Цисарж, Ю.В. Богданов, И. Вондрова, О.В. Павленко, Н.В. Васильева, Я.В. Шилов, С.А. Корнеев, И.И. Орлик, А.М. Филитов, А.Б. Едемский, Л. Димич, Й. Чавошки, Т.А. Покивайлова, В.Л. Мусатов, А. Животич, В.П. Любин, Г.П. Мурашко, Л.И. Шинкарев, И.В. Крючков, Н.Д. Крючкова, М. Барат, В.В. Волобуев, О.И. Величко, А.А. Улуян, И.В. Руднева, В.П. Лукин, В.М. Кривошеев, Ю.М. Кузьмин, Л.Н. Будагова, И.С. Яжборовская, Б.С. Орлов, Т. Краус, Э.Г. Задорожнюк, В.В. Марьяна, С.А. Шерлаимова, Л.Ф. Широкова, Т.В. Волокитина, Ю.А. Щербакова, Г.П. Мельников.

зации до степени, приемлемой для партнеров по социалистическому блоку, либо избежать конфликта с собственными гражданами и одновременно попытаться убедить Кремль в том, что политические реформы не выйдут за рамки существующей системы. Историческую заслугу Дубчека И. Вондрова видит как раз в том, что он предпочел второй вариант.

Сходным образом фигуру лидера КПЧ оценивает Ю.В. Богданов, автор статьи “Судьба реформатора (По страницам воспоминаний Александра Дубчека)”. Человек “в расцвете сил и благородных стремлений, потерпевший незаслуженное поражение”, говорит о Дубчеке Богданов. Так ли это? Уйти от ответа на этот вопрос невозможно! И. Вондрова цитирует высказывание Я. Кадара, назвавшего “Программу действий” “всеобщим социалистическим компромиссом, в котором мы найдем абсолютно все, и его сторонники могут делать все, что им захочется – и укреплять партию, и разрушать ее, и при этом ссылаться на “Программу действий”». На самом деле большинство программных документов, политических деклараций дают возможность очень широких толкований. Именно поэтому для правильной интерпретации исторических событий анализ “манифестов” всегда необходимо сверять с реальной политической практикой.

Мы не будем вдаваться в сложный спор о возможности построения “социализма с человеческим лицом”, реальности “третьего пути”. Опубликованные на страницах рассматриваемого сборника статьи Т. Крауса “1968 г. – многообразие исторического процесса. Восточно-европейский урок”, Б.С. Орлова «Размышления о “Пражской весне” в контексте эволюции концепции социализма», Ч. Цисаржа «Размышления о “Пражской весне” сорок лет спустя» четко показывают нелинейность оппозиции “сталинский социализм” – “демократическое капиталистическое общество”, возможность широкого спектра подходов к этому вопросу. Чехословацкие реформаторы изначально имели весьма расплывчатое представление о том, к каким конкретным результатам должен привести задуманный ими процесс обновления. В гораздо большей степени ими руководили чувства, “высокие душевные порывы”, нежели холодный расчет и четко выработанный план модернизации общественно-политических отношений. В результате Дубчек и его соратники очень часто оказывались не ведущими, но ведомыми, пассивными наблюдателями за развитием не зависящих от их воли процессов.

В этой связи необходимо указать на содержательную статью А.Б. Едемского “Советско-чехословацкие отношения в оценках югославского руководства. Январь – июнь 1968 г.”.

Автор вводит в научный оборот доселе не известный материал о советско-югославских встречах на высшем уровне и в частности о переговорах Л.И. Брежнева с И.Б. Тито 29 апреля 1968 г., в ходе которых, по словам историка, “доминировала чехословацкая тема”. Опираясь на югославский вариант стенограммы переговоров, Едемский суть упреков Брежнева по отношению к Дубчеку сводит к тому, что глава чехословацкой компартии представлялся советскому руководству ненадежным, трудно прогнозируемым партнером, способным в любой момент нарушить существующие договоренности. Несмотря на все попытки Тито убедить Брежнева в том, что процессы, идущие в ЧССР, не таят угрозы социализму, как это явствует из документов, цитируемых Едемским, лидер СССР уже в апреле 1968 г. был настроен в высшей степени скептически по отношению к “Пражской весне”. В советском варианте стенограммы переговоров, судя по всему, не известной историку, Брежнев дает следующую характеристику Дубчеку: “Дубчек пытается что-то предпринять, но у него уже ничего не получается. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что несмотря на то, что он и Черник договорились добиваться того, чтобы пражская партконференция отклонила требование о созыве внеочередного съезда партии – тем не менее все же оно было принято. Где их власть?... Трудно это мотивировать, но итог налицо. Разве это авторитетный лидер, если с ним не считаются. Он без конца выступает, но эти выступления не имеют никакого значения”².

Становится совершенно очевидным, что стратегия поведения Дубчека, столь высоко оцениваемая Вондровой, в действительности была ошибочной. Давая Москве заведомо невыполнимые обещания, стараясь, с одной стороны, успокоить Кремль, а с другой стороны, сохранить в неприкосновенности в значительной мере не подконтрольные ему самому внутривнутриполитические процессы в ЧССР, глава чехословацкой компартии тем самым все более и более убеждал советских лидеров в безотлагательности “крайних мер”. И дело тут не только в принципиальной разнице взглядов руководства КПЧ и КПСС (как явствует из стенограмм переговоров Брежнева с Тито, взаимоотношения компартий Югославии и Советского Союза также были очень далеки от полного единодушия). Одним из серьезных факторов стало то, что первый секретарь КПЧ создал себе репутацию слабого, не авторитетного деятеля, что для политика не допустимо. Пожа-

² Российский государственный архив новейшей истории (далее – РГАНИ), ф. 80, оп. 1, д. 927, л. 74.

луй, единственное, что сдерживало Кремль в той ситуации, так это отсутствие четкого представления о путях “нормализации положения в ЧССР”, ибо предлагавшиеся “промосковскими” политиками в Чехословакии планы “диктатуры”, “комитета национального спасения” уже тогда выглядели в значительной степени утопичными, а более реалистичного комплекса мер в недрах ЦК КПСС выработано не было.

В связи с вышесказанным необходимо упомянуть об обвинении, выдвинутом И. Вондровой в адрес российских историков, стремящихся, по ее мнению, «уменьшить вину СССР за вторжение» и делающих “вывод о совместной ответственности за печальное завершение “возрожденческого процесса”». Речь, очевидно, идет прежде всего о статье М.Ю. Прозуменщикова “Вы поймете, что мы не имели другого выхода. Проблемы разработки и принятия решений высшим советским руководством в ходе чехословацкого кризиса 1968 года”³. Не вдаваясь в подробный разбор работы Прозуменщикова, действительно содержащей ряд небесспорных положений, в частности о значении телефонных переговоров 13 августа 1968 г. между Дубчеком и Брежневым (что утверждает Вондрова), мы должны констатировать, что ни о какой реабилитации “советской агрессии” все же речи у Прозуменщикова нет. Вообще вряд ли сейчас в России найдется серьезный, ответственный историк, готовый оправдывать ввод войск в ЧССР. Дело вовсе не в стремлении “обелить” брежневское руководство. Говоря об ошибках Дубчека, исследователи, во-первых, хотя бы выяснить, насколько возможны были реформы в одной из стран соцлагеря вне реформирования всей “системы мирового социализма” и какая тактика при проведении подобных реформ имела шансы на успех, а какая была априори обречена на неудачу. Во-вторых, крайне важным является выяснение того, какие внутренние и внешние факторы воздействовали при принятии решений советским политическим руководством.

“Необходимо в первую очередь, – пишет О.В. Павленко в статье “Советское посольство в Праге о ситуации в ЧССР. 1967–1968 гг.”, – реконструировать советский дискурс 1960-х гг., в контексте которого создавалось особое информационное поле, формировавшее представления партийной элиты... особое значение при этом имеет анализ качества и объема информации, поступающей из Чехословакии”. Направление научного поиска, обозначенное Павленко, в целом представляется нам

перспективным. Но ряд ее рассуждений уязвимы.

Так, справедливо, на наш взгляд, констатируя, что “информация собиралась советскими людьми, занимавшими разные посты при посольстве, консульстве, представительствах советских учреждений, центральных газет и журналов, международных организаций и учреждений” (т.е. очень широкий круг источников, который можно дополнить упоминанием о советских деятелях науки и культуры, писавших отчеты о пребывании за границей, о чехословацких общественных и политических деятелях, напрямую обращавшихся в ЦК КПСС, дипломатах соцстран, регулярно информировавших сотрудников отдела ЦК по тем или иным вопросам, и т.д.), О.В. Павленко утверждает: “советское руководство было вынуждено полностью передоверить рекомендательные функции посольству в Праге и генеральному консульству в Братиславе”. Столь категоричный вывод можно объяснить только тем, что автор, получив возможность работать с документами, созданными советскими дипломатами, не имела доступа ко всему массиву документации бывшего аппарата ЦК КПСС, отложившемуся в фондах РГАНИ. Автор этих строк убежден, что одной из серьезных проблем, высвеченных чехословацкими событиями, было как раз то, что советская система не предполагала наличия единого центра, способного в кризисной ситуации, подобной той, что сложилась в 1968 г., обобщать информацию, анализировать ее и на основе этого анализа предложить Политбюро ЦК КПСС стратегию действий. Для выполнения этих задач не были приспособлены ни посольство СССР в Чехословакии, ни МИД СССР, ни отдел ЦК, возглавляемый К.В. Русаковым, ни Секретариат ЦК. Решить эту проблему, видимо, должно было назначение в апреле 1968 г. на пост секретаря ЦК КПСС, курирующего соцстраны, К.Ф. Капустева. На практике ситуация не только не улучшилась, но привела к острой аппаратной борьбе за влияние между вновь назначенным руководителем, стремившимся сосредоточить в своих руках все нити управления и в том числе занять в дополнение к уже существующему еще и пост заведующего отделом ЦК, и “людьми Русакова”, отстаивающими свое “место под солнцем”. Одной из ключевых фигур в советском посольстве в Праге в то время был советник-посланник И.И. Удальцов. Солидаризируясь с мнением О.В. Павленко о том, что интерпретация И.И. Удальцовым пражских событий во многом находила отклик на Старой площади, нам представляется существенным уточнить тезис историка, согласно которому с самого начала в документах, направляемых

³ “Пражская весна” и международный кризис 1968 года: статьи, исследования, документы, т. 1. М., 2010, с. 18–48.

советником-посланником в Москву, “чувствуется внутренняя нерасположенность к Дубчеку, неспособность, а может быть, и нежелание понять глубинные мотивы его политического поведения”. Отношение Удальцова к Дубчеку не было неизменным. Сошлемся на сцену, описываемую в книге М.В. Латыша: «На проходившем 5 января общем собрании посольства СССР в Праге советник-посланник И.И. Удальцов несколько раз высказывал из-за стола Президиума, чтобы позвонить своему информатору – заведующему отделом ЦК КПЧ М. Миллеру. Наконец он, вбежав в зал, радостно объявил: “Ура, товарищи, поздравляю вас, только что первым секретарем избран большой друг Советского Союза и мой личный друг Саша Дубчек”»⁴. Резко негативное отношение Удальцова, как, впрочем, и других советских дипломатов, к дубчековскому руководству обозначилось приблизительно к марту 1968 г.

Отдельного изучения требует вопрос: насколько советский дипломатический корпус в Праге в данном случае был самостоятелен в своих оценках, а в какой мере его суждения являлись следствием уловленных импульсов, идущих из Кремля? Также специального исследования требует история взаимоотношений с советской стороной и состав так называемых “здоровых сил” в КПЧ, курс на сближение с которыми был взят, как верно отмечает О.В. Павленко, после заседания Политбюро ЦК КПСС 13 марта 1968 г. Как нам представляется, было бы ошибочным вслед за О.В. Павленко утверждать, что «“здоровые силы” стали ассоциироваться со сторонниками А. Новотного». Среди “промосковской партии” мы найдем выходцев как из бывшего окружения Новотного, так и из словацких коммунистов, таких как В. Биляк, Г. Гусак (имевших серьезные разногласия как с Новотным, так и между собой), разношерстную компанию “левых коммунистов-интернационалистов” (как они называли себя сами) и множество иных групп, часто с очень разнонаправленными устремлениями, что стало особенно заметно в ходе “нормализации”. Все они имели своих покровителей не только в среде советских дипломатов, но и на Старой площади. Распутать этот клубок на основании составленной О.В. Павленко таблицы “Информационных материалов о событиях в Чехословакии, поступивших по дипломатическим каналам”, совершенно невозможно в силу ошибочного представления ее автора о принятом в ЦК КПСС делопроизводстве. Взятые за основу сведения о количестве рассылаемых экземпляров, обычно помещавшиеся на обо-

роте последнего листа документа, далеко не полностью отражают как реальное количество сделанных копий, так и круг лиц, работавших с этим материалом. Прилагавшиеся к документу листки о рассылке (далеко не всегда сохранившиеся), а также картотека, находящаяся в РГАНИ, показывают, что направленный в отдел ЦК материал мог вскоре оказаться в секретариате одного из членов Политбюро ЦК КПСС, там быть размноженным и отправленным секретарям ЦК, иным государственным и партийным деятелям. Очень многие документы, о существовании которых мы знаем благодаря тому, что они были зарегистрированы Общим отделом ЦК, сразу направлялись высшему руководству страны и ныне хранятся в Архиве Президента РФ, оставаясь практически недоступными историкам, как и те, что находятся на закрытом хранении в РГАНИ. Поэтому на данный момент, как нам кажется, составить адекватное представление о документообороте той эпохи крайне затруднительно, а сделанные на основании фрагментарных данных выводы могут привести к искаженному пониманию целостной картины.

Интересным, на наш взгляд, является вывод О.В. Павленко о том, что на ужесточение позиции Брежнева в конце марта – начале апреля 1968 г. по отношению к чехословацким реформаторам серьезным образом повлияли консолидированная позиция В. Ульбрихта и В. Гомулки, а также “перешедшие в наступление”, после появления “Программы действий” и “советские догматики во главе с М.А. Сусловым”. К сожалению, этот тезис, не будучи подкреплен серьезной источниковой базой, требует дальнейшей разработки.

Примером плодотворного и взвешенного подхода (несмотря на ограниченный круг доступных материалов) к анализу внутрисистемных противоречий в советском обществе, вскрытых чехословацкими событиями, может послужить статья Г.П. Мурашко «“Пражская весна” и советская интеллигенция: к вопросу о формировании “внутрисистемной оппозиции” неосталинизму». На основании анализа подготовленного в аппарате А.Н. Шелепина варианта доклада Л.И. Брежнева к 20-летию Победы в Великой Отечественной войне, борьбы, развернувшейся вокруг опубликованных академиком А.М. Румянцевым статей о роли интеллигенции в советском обществе, перестановках в руководстве отделов ЦК, курировавших вопросы идеологии, науки и культуры, а также ряда других фактов Г.П. Мурашко приходит к выводу о том, что во второй половине 60-х годов в руководстве КПСС сложилось устойчивое консервативное большинство, тогда как «развитие демократической общест-

⁴ Латыш М.В. “Пражская весна” 1968 г. и реакция Кремля. М., 1998, с. 23.

венной мысли в СССР шло в это время в том же направлении, что и в Чехословакии. Здесь и там в рамках социализма как общественного строя происходил поиск иной, не тоталитарной его модели... Но разница в конкретной ситуации заключалась в том, что в Чехословакии настроения интеллектуалов... были поддержаны частью политической элиты... в СССР же аналогичные настроения не находили сколько-нибудь реальной поддержки в “верхних этажах” партноменклатуры» (с. 404).

“Картина массового одобрения” действий советского руководства по отмене реформ, проводимых в Чехословакии, в немалой степени являлась “фантомом”. Это находит

подтверждение в статьях Л.И. Шинкарева “О некоторых психологических моментах восприятия событий 1968 г. в глубинке России”, И.В. Крюкова и Н.Д. Крюковой «Отклики “Пражской весны” в Ставропольском крае (По материалам краевого архива)».

Суммируя вышесказанное, можно утверждать: выход в свет рассматриваемого сборника – значимое событие в научной жизни. Эта книга пробуждает мысль, приглашает к дальнейшему разговору.

Т.А. Джалилов,
главный специалист
Отдела публикаций ИГНИ

Ю.И. Рубинский. ФРАНЦИЯ. ВРЕМЯ САРКОЗИ (серия “Лица современной политики”). М.: Международные отношения, 2011, 320 с.

Автор рецензируемой книги – известный историк, политолог и дипломат, руководитель Центра французских исследований Института Европы РАН, доктор исторических наук Ю.И. Рубинский. Его перу принадлежит ряд фундаментальных трудов по истории Третьей, Четвертой и Пятой республик во Франции. Французская академия отметила его научные заслуги в изучении Франции престижной премией Ф. Гизо, а правительство Французской республики – высшей степенью (командора) ордена Академических Пальм, учрежденного еще Наполеоном I.

В течение без малого 20 лет – с середины 1970-х до середины 1990-х годов – Ю.И. Рубинский находился на дипломатической службе на посту советника посольства СССР, а затем России во Франции. За эти годы его глубокие академические познания в области истории и современного положения Франции обогатились непосредственными профессиональными наблюдениями за политическими процессами в стране, поскольку в посольстве Ю.И. Рубинский возглавлял группу, изучавшую вопросы французской внутриполитической жизни. Именно поэтому его суждения на данную тему представляют особую ценность.

Рецензируемая монография посвящена проблемам политического развития Франции в 2000-е годы, когда государство и общество оказались перед выбором новых путей развития. На это время пришлось смена политического руководства в Пятой республике: в 2007 г. 79-летнего Жака Ширака на посту главы государства сменил 52-летний, динамичный

Никола Саркози, вознамерившийся провести в стране назревшие социально-экономические преобразования.

С тех пор минуло более четырех лет. В своей новой книге Ю.И. Рубинский взялся подвести предварительный итог деятельности Саркози на посту президента Французской республики.

Документальную основу проведенного исследования составили официальные правительственные документы, материалы французской периодической печати, справочные издания, данные социологических опросов, публикации французских политологов и социологов, наконец, личные наблюдения автора, который регулярно посещает Францию.

Один из его основополагающих выводов состоит в том, что к концу 1990-х годов Франция окончательно истощила ресурсы развития в рамках дирижистской экономической модели, обеспечившей ей в послевоенный период важное место в мировой экономике (с. 7–8). Первые признаки стагнации начали появляться уже с середины 70-х годов. “Послевоенная социально-экономическая модель истощила свой ресурс, став тормозом для перехода Франции на новый, более высокий уровень развития – к постиндустриальному обществу”, отмечает Ю.И. Рубинский (с. 9).

Перед лицом новых вызовов конкурентоспособность страны оказалась недостаточной, что отразилось на ее торговом балансе, который начиная с 2004 г. сводился с устойчивым пассивом. Все более обременительным для налогоплательщиков становилось содержание малорентабельного и даже убыточного гос-

сектора, лишь стимулировавшего внутренние финансовые кризисы. Начала давать все более частые сбои, усугубляемые демографическим фактором, и перераспределительная система социальной защиты. Проблема занятости на рубеже столетий, как справедливо пишет Ю.И. Рубинский, превратилась в главную заботу французов. По удельному весу безработных в самодеятельном населении (8,5–10%) Франция оказалась на одном из первых мест в Европейской союзе (с. 12). Обострялась проблема занятости молодежи, что в сочетании с постоянно растущим притоком иммигрантов создавало взрывоопасную ситуацию, чреватую дестабилизацией всего французского общества.

Наращение и обострение всех этих проблем вызвало к жизни поиски оптимальной модели, которая “сочетала бы сильные стороны европейской, прежде всего французской, модели с ее статистическими и социальными аспектами и динамичного англосаксонского неолиберализма” (с. 16).

Почти 12-летнее правление Ж. Ширака (1995–2007 гг.) было расценено подавляющим большинством французского общества как время застоя и стагнации, когда проблемы накапливались и, по существу, не решались. Такую оценку разделяли и в рядах правых, управлявших страной долгие годы и не желавших уступать власть.

Появление накануне президентских выборов 2007 г. нового лидера правых Н. Саркози, обнаружившего смелые реформаторские настроения и рискнувшего пойти наперекор позиции Ж. Ширака, конечно же, не было случайным. Саркози чутко уловил настроения и ожидания электората, а также значительной части правящей партии “Союз за новое движение” (СНД).

Ю.И. Рубинский детально рассматривает восхождение к власти этой нестандартной для французской политической традиции фигуры – сына венгерского эмигранта, сумевшего стать шестым по счету преемником основателя Пятой республики и 23-м в истории президентом Французской республики. В монографии прослежены обстоятельства борьбы Саркози за лидерство в правом лагере, а также его противоборство с кандидатом от Французской социалистической партии Сеголен Руаяль.

Как полагает автор, и с ним можно полностью согласиться, победа Саркози в 2007 г. с перевесом в 3 млн. голосов была закономерной. “Своей победой он был обязан двум категориям избирателей, – пишет Ю.И. Рубинский, – с одной стороны, управленческим кадрам высокотехнологичных секторов экономики, а с другой – части протестного «народного»

электората, перешедшего от ультраправого Национального фронта Ле Пена... Основная же масса его электората, консервативные средние слои, ждала лишь окончательного демонтажа остатков прежней, дирижистской, модели – снижения налогов, обязательных выплат в кассы соцстраха, либерализации рынка труда, иными словами, скорее корректировки статус-кво, нежели коренных изменений” (с. 36–37).

В более широком плане можно говорить о том, что французское общество хотело преодолеть застой, желало изменений, но без опасных потрясений. В 2007 г. Саркози представлялся для многих тем лидером, который может найти ответы на новые вызовы. “Вопрос заключался лишь в том, – отмечает Ю.И. Рубинский, – насколько методы принятия им решений и их существо способны содействовать модернизации страны или, наоборот, рискуют затормозить ее, вызвав сопротивление снизу. Вплоть до новых президентских и парламентских выборов 2012 г. вопрос все еще остается открытым” (с. 41).

Тем не менее четыре с лишним года, истекшие со времени прихода Саркози к власти, позволили Ю.И. Рубинскому подвести предварительные итоги деятельности Саркози на посту главы государства.

Книга построена по проблемному принципу. В отдельных главах рассмотрены основные направления политики Саркози в контексте внутри- и внешнеполитического положения Франции.

Важнейшее место в его политике занимало и продолжает занимать стремление модернизировать государственные институты Пятой республики, приспособив их к реалиям и потребностям XXI в. Отвергнув идею своей соперницы на президентских выборах Руаяль принять новую конституцию, Саркози пошел по пути усовершенствования действующей в направлении, как было им объявлено, обеспечения более устойчивого равновесия между ветвями власти (с. 90).

Он инициировал принятие в июле 2008 г. закона о частичном пересмотре конституции с тем, чтобы расширить права парламента и правительства, а также ограничить президентский мандат двумя пятилетними сроками. “Несмотря на ряд серьезных корректив... в целом 25-я ревизия Конституции 1958 г., – отмечается в книге, – не изменила сколько-нибудь заметно основные принципы функционирования режима Пятой республики, сохранив его двойственный полупрезидентский характер со всеми его достоинствами и недостатками” (с. 97).

Параллельно с поправками к конституции Саркози приступил к проведению административных реформ с целью преодоления традиционной для Франции чрезмерной цент-